

Тая Найдено

И назови мне эти имена

* * *

Как будто все тепло ушло наружу.
Мы выстыли, мы вымерзли, нам хуже,
Чем было в январе – вообрази!
Противно на себя глядеть вблизи,
Все главное случается не с нами.
Мы все еще свое волочим зная,
Но кто упал – так и лежит в грязи.

Как будто мы чего-то расхотели,
На чем держалось главное, и в теле
Нет больше ни кости. И поделом.
Нас так пугал случайный перелом,
Безумие зимы, ожоги лета,
Что нам и не положено скелета.
Оставили бы место за столом!

Как будто стол накрыт, и гости в сборе.
Но отмечают праздник или горе –
Не разобрать по лицам. Тишина.
Свет падает из битого окна
И делит мир на мелочи, которым
Нет имени. Теперь задерни шторы
И назови мне эти имена.

* * *

Какая-то особенная ложь
Есть в том, как улыбаются супруги,
Одежду поправляя друг на друге.
С такой улыбкой всаживают нож

Во вражескую кожистую шею,
Пробормотав: «Ты сдохнешь, сука? Ну!».
Но он твердит: «Люблю ее одну!
С годами-то она все хорошеет...».

Она же, как положено жене,
Нахваливает быт, семью и мужа,
И тем сильнее старается, чем хуже
Ей после будет с ним наедине.

Любовь? Какое, к черту... Брачный ад!
С любовью не рифмуется морковь,
Усталость, злость и то, как он неловко,
С нее сползая, ищет свой халат.

Взаимно каждый выкрик, жест и всхрап –
Изучен, ненавистен, презираем,
И утешает только миг, когда им
Сын отвечает в трубку «мам» и «пап».

Живая рана – каждый божий день,
Прожитый так. Жужжит кофемашина.
Не женщина уже и не мужчина,
А общий враг отбрасывает тень.

И два навеки спаянных врага
Уже не могут жить без жуткой фальши.
И разойтись не могут. Что же дальше?
А дальше будет утро четверга.

Когда на кухне заорут коты,
И муж, привычно скинув одеяло,
Вдруг осознает, что его не стало,
За миг до наступленья черноты.

А ей еще понадобится час
На поиски дыхания и пульса,
На бормотанье «Тихо, не волнуйся...»,
Бессмысленное, в общем-то, сейчас.

Сперва она распробует «не жив».
«Не дышит». И уже «одна», не «двое».
И закричит.
Вот в том животном вое
Не слышится уже ни капли лжи.

* * *

Входи в меня, как в лето, которое кончает
То августовским шумом, то тихим сентябрем,
Входи в меня, как в море, которое качает
И бьет корабль о берег. Мы новый соберем.

Входи в меня, как в город, упавший обреченно
Под кованым железным хозяйским сапогом.
Когда все это небо затащит тенью черной,
Входи в меня, как в мирный и безопасный дом.

Входи в меня без стука и без предупрежденья.
Представь себе, что завтра уже не будет тел.
Считай меня подарком на сотый день рожденья,
Который не наступит. Да ты б и не хотел.

Есть миллион вселенных, где ласковые боги,
Где солнце выжигает из золота дома,
Где мраморные звери хранят тебя в дороге,
И спящих согревает серебряная тьма.

* * *

Обнимешь мертвого – и спать
Под небом из сосны.
А время повернется вспять,
Пока ты смотришь сны.

Такая сила мертвецам
От Родины дана.
Такая Родина, что сам
Уже не видишь сна.

Да и зачем тебе кошмар
Из личных неудач?
Куда ни кинешься – зашквар.
Обнимемся! Не плачь.

У мертвых – бархат и атлас,
Особенный уют.
Лежи, не открывая глаз,
И за помин нальют.

Плеснут и мертвому, но он –
Рассыпался давно.
А смерть стоит со всех сторон.
И наше пьет вино.

Поэзия не может

Все говорят:
– Поэзия не может
Быть больше скучной! Все! Какого черта
Мы терпим эту нудную бодягу –
О Родине, о птичках, о любовных
Страданиях какого-то уroda,
Довольного собой при этом, в общем,

Но как-то недовольного вообще?!
Пусть эта поэтическая сволочь
Хотя бы выступает перед нами!
Пред публикой, точнее. Или перед
Любым, кто оказался впереди!
Пусть он поет хотя бы под гитару,
Пусть он хотя бы хорошо танцует,
Или хотя бы носит трость и шляпу,
Пусть он хотя бы ногти подстрижет!
Пусть он следит за кожей и улыбкой,
Раз выдумал назваться здесь поэтом,
Пусть будет нам приятен, пусть покажет,
Как все небезразличны здесь ему!

Все говорят «Поэзия – не может!».
И добавляют бред какой-то в рифму,
Как будто бы поэзия – про рифмы,
Как будто бы поэзия – про жизни,
Про среды, понедельники, субботы,
Про выпитое, зло, добро и связи
Какие-то между всем этим бытом,
Про смерть, или детей, или про бога,
Про котика, червонец, мясорубку,
Как будто бы поэзия – про что-то,
Что вообще понять могли бы все.

Все говорят – поэзия не может...
И правы.
Ничего.
Все эти строчки –
Всего лишь бесполезная попытка.
Попытка не носить, к примеру, шляпу.
Не выступать перед своим народом.
Не нравиться ни вам, ни местным птичкам,
Ни Родине, ни матери своей.
Ходить без пистолета, без гитары,
Без паспорта, без денег, без опоры.

Без кожи. И уж точно – без улыбки!
С улыбкой – только если так нельзя.

Все говорят «Поэзия не может»
С каким-то очень недовольным видом,
Как будто бы им что-то обещали –
Кредит под это дело, летний отпуск,
Прогулку, секс, успехи в обороне
Страны или бессмертие в Париже –
И будто это все не получилось
Из-за одной досаднейшей причины:
Поэзия, скотина, не смогла!

Все говорят «Поэзия не может»...
Да с нами и кино уже не может!
Вот-вот откажет проза, а за нею –
Простейшие, привычные вещи,
Такие, как мораль или убийство,
Вкус сладкого, шуршание бумаги,
Приятность наблюдения за кем-то,
Возможность помочиться или выйти
Через окно куда-либо еще.

Начнется удивительное время.
(Поэзия по-прежнему не сможет,
Конечно же...)
Тогда и станет важно
Умение ходить тут без опоры,
Без паспорта, без публики, без шляпы,
Перетекать из одного в другое –
И становиться рисовой бумагой,
Шуршанием бумаги или светом,
Кружащим над бумагой, или мыслью
О том, что на бумаге написать.
Без имени, без кожи, без улыбки.
Без глаз.
И наконец-то – без стихов.